

Госпожа Хэ действительно чувствовала себя настолько виноватой и растерянной, что заикаясь произнесла:

— Я, я сейчас же пойду выплачу ему компенсацию, в худшем случае — поклонюсь ему в ноги, или, может, отдать ему Сяохун в возмещение убытков?

Сяохун во дворе словно предчувствовала неладное и пару раз отрывисто кудахтнула, выражая крайнее недовольство.

Цзян Байе лишь бросил:

— Не паникуй.

Сначала он велел ей обжарить пару блюд, чтобы остыть и успокоиться.

В книге та курица в конце концов тоже не избежала плачевной участи: Лу Личжи содрал шкуру и вытянул сухожилия с той самой утащившей курицу ласки, а затем повесил её тушку на большом дереве перед воротами.

Хотя этот шаг также нёс в себе скрытый смысл — убить курицу, чтобы напугать обезьян и предупредить тех, кто посмеет нарушать его покой.

Цзян Байе чувствовал, что он сам сейчас не сильно отличался от той ласки. Когда он читал книгу, то искренне восхищался происходящим, но теперь недоумевал: как человек с таким отрешенным и несравненным обликом смог с бесстрастным выражением лица руками, никогда не знавшими тяжелой работы, содрать шкуру с этого свирепого зверя?

Закончив готовить блюда, он сварил огромный котел риса и запек половину вяленых утиных ножек.

Покончив со всем необходимым, Цзян Байе наконец приступил к самому главному.

Сначала он заполнил рисом их самую целую пиалу, затем аккуратно нарезал утиное мясо ломтиками — примерно штук пять-шесть выложил сверху на рис, а рядом для красоты добавил пару палочек ярко-зеленых свежих овощей.

Куриный суп был сварен из лучших куриных ножек и крылышек, тушеных до мягкости, но не развалившихся. В полной до краев пиале плавали грибы шиитаке, кусочки зеленого лука и красные финики, а сочетание красного, желтого, зеленого, черного и белого цветов выглядело аппетитно — не жирно, не приторно, с чистым и насыщенным ароматом.

Напоследок на маленькую тарелочку он положил еще два других блюда, что весьма

напоминало современный китайский фастфуд.

Но приготовленное его руками, даже самое простое оформление блюда выглядело необычайно изысканно и забавно.

Цзян Байе самодовольно подумал: хоть велика вероятность получить отказ, но перед лицом такой искренности кто сможет сказать нет?

По соседству лицо Лу Личжи выглядело мрачным: стоило ему уловить доносившиеся со двора Цзянов ароматы, как у него появилось недоброе предчувствие.

Побродив вокруг и поискав с полчаса, он окончательно убедился: его единственная курица, бывшая к тому же его ценнейшим имуществом, исчезла.

Пока в его голове вихрем проносились бесчисленные мысли, в наружную дверь кто-то постучал. Не дождавшись ответа, виновник беспорядка приложил больше усилий и с победным видом крикнул:

— Лу Личжи, выходи, я знаю, что ты внутри! Если ты сейчас же не выйдешь, я перелезу через стену!

Лу Личжи резко вскочил со стула: какая наглость, этот человек был до крайности бесцеремонным!

Он быстрым шагом вошел в спальню и извлек из-под матраса на кровати кинжал в ножнах. В прошлый раз, когда он пустил его в ход, он отрезал мизинец тому негодяю за то, что тот посмел оскорбить его отца — и вот, он никак не ожидал, что оружие придется доставать во второй раз так скоро.

Лу Личжи сдернул ножны, поджал губы и вышел наружу. В тот самый миг, когда его руки коснулись двери, он уже занял наилучшую оборонительную позицию.

Вспомнив внушительные габариты Цзян Второго, он сурово прищурился, резко распахнул створки, но глазам его предстало улыбающееся красивое лицо.

Увидев его появление, эта улыбка стала еще шире:

— А вот и ты.

Высокий юноша почти полностью заслонил собой проход, однако смотрел на него сосредоточенно и с виноватым видом произнес:

— Прости меня за то, что убил твою курицу.

Мгновение назад охватившее Лу Личжи странное чувство тут же испарилось, сменившись отвращением — каждый его взгляд недвусмысленно выражал враждебность и неприятие.

Только теперь Цзян Байе заметил, до чего же прекрасны эти глаза, сияющие словно бы ярким огоньком — было бы куда лучше, если бы их хозяин не испытывал к нему такой сильной неприязни.

Он легко вздохнул:

— Вот деньги в возмещение ущерба, хотя говорить о чем-то уже поздно.

Лу Личжи смотрел на протянутый ему тяжелый матерчатый кошель: даже не беря его в руки, можно было догадаться, что сумма там в разы превышает стоимость курицы.

Но он подозревал подвох.

Особенно когда его взгляд скользнул по подносу в другой руке Цзян Байе: на нем красовалась полная миска куриного супа, чей густой дразнящий аромат в сочетании с запахами остальных блюд выглядел настолько роскошно, что во рту невольно слюнки текла.

Сравнивая это с собственной скудной едой два раза в день, где даже на завтрак было лишь вареное яйцо, а теперь не стало даже несучки...

Этот человек определенно сделал всё назло, нарочно явился сюда, чтобы покрасоваться и поиздеваться над ним!

Лу Личжи сжал рукоять кинжала еще сильнее, едва сдерживаясь, чтобы под улыбку противника не нанести тому удар.

Но в этот самый момент юноша протянул ему огромный поднос и легко кашлянул:

— Не знаю, придется ли это тебе по вкусу, я приготовил специально для тебя, считай это частью компенсации.

Лу Личжи замер, его взгляд стал еще более настороженным: чего ради этот человек снова и снова устраивает подобные представления...

— Веришь ты или нет, но у меня нет ни малейшего зла по отношению к тебе. Если бы ты хоть немного постарался положить на это ум, то легко догадался бы сам.

Видя, что тот не берет угощение, Цзян Байе положил кошель прямо на поднос, а затем опустил его рядом с порогом у самых ног хозяина.

— И кстати, если хочешь что-то сказать, можешь написать мне.

Не дожидаясь ответа Лу Личжи, Цзян Байе развернулся и ушел — он проголодался, да к тому же еще не успел отведать собственной стряпни.

Лу Личжи проводил взглядом его легкую прямую фигуру и перевел глаза на стоявший у входа поднос. Спустя долгое время, когда он уже присел на корточки, собираясь что-то сделать, к нему приблизилась какая-то фигура.

— Учёный Лу...

Непонятно почему, но его пальцы мгновенно отдернулись, и он поднял глаза на встревоженную женщину.

— Это я украла твою курицу... Раз я натворила дел, нельзя же позволять Чансую отвечать за мои поступки. Если бы он пошел по стопам своего двоюродного брата, разве осталась бы я тогда человеком?

Госпожа Хэ произнесла это, собравшись с духом, а лицо ее залилось краской стыда.

Будучи в столь зрелом возрасте, унижаться перед младшим, словно перед собственным внуком, она до безумия жалела о том, что позволила себе помрачнеть рассудком и совершить подобное.

Однако Лу Личжи ничуть не удивился. Хотя он и не знал, кто именно стащил курицу, но был уверен, что у Цзян Второго не было возможности провернуть такое втайне, да и за действиями этого семейства он все же приглядывал исподтишка.

— Можешь винить меня во всем. Это он специально долго возился на кухне, приготовься отведать, только не пропадать же добру...

Мать, куда ты ходила, садись скорее есть.

Цзян Байе как раз поставил еду на обветшалый стол, когда Сяо Саньцзы привез на тачке очередную порцию глины.